

О. Ю. Алейников
**АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ.
БЕЛЫЕ ПЯТНА СУДЬБЫ**

Накануне 110-й годовщины со дня рождения Андрея Платонова вопрос о соотношении текста и биографии писателя остается, в сущности, так и не проясненным.

Одна из причин сложившейся в науке ситуации известна: о самом существовании художественного наследия А. Платонова долгое время не вспоминали. «Когда в 1958 году, через семь лет после смерти прозаика, была переиздана небольшая книжечка его рассказов и началась «вторая жизнь» Андрея Платонова, вдруг выяснилось, что имя его основательно забыто и для современного читателя он стал «писателем без биографии», — вспоминал один из глубоких зачинателей научного изучения платоновских текстов. (Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет. М., 1987. С. 45).

На другую весомую причину (сознательную установку писателя на пропуск деталей, фактов и подробностей, существенных для определения конкретных источников текста) указывает блестящий знаток воронежской регионалистики О. Г. Ласунский: «Даже в тех редких случаях, когда, понуждаемый внешними обстоятельствами, Платонов обращался к своему прошлому, сообщенным им сведениям не во всем нужно доверять. В его официальных автобиографиях и разного рода опросных листах встречаются если не прямые ошибки (бывают и они), то, по крайней мере, странные (на первый взгляд) обмолвки и темные места» (Ласунский О. Г. Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова. Воронеж, 2007. С. 8).

Говоря о «непреходящей биографичности платоновских текстов», один из исследователей недавно заметил, что в случае А. Платонова «мы постоянно вынуждены решать, насколько его письмо соотносимо с исторической конкретикой» (Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: Поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля). СПб., 2004. С. 217).

Но именно эта (почти столетней давности) «конкретика», предельно точное описание опыта, пережитого писателем и его современниками в годы революции и Гражданской войны, не всегда воспринимаются как таковые — даже искушенные читатели реальные события, изображенные в платоновских текстах, нередко принимают за абсурд, фантастику, так называемые «темные» для комментирования «места».

Вместе с тем, внимание к письменным свидетельствам эпохи и стоящим за ними реалиями позволяют в новом свете увидеть и платоновские тексты, на первый взгляд «загадочные», алогичные, и, казалось бы, уже известные эпизоды из жизни писателя.

Вот один из характерных примеров. В биографии создателя романа «Чевенгур» есть интересная подробность, установленная краеведами (См.: Акиншин А. Н. Андрей Платонов — студент-историк? // Воронежский курьер, 1996. 21 дек.), но, к сожалению, пока не получившая аргументированного объяснения: прошение о зачислении в университет, открывшийся в Воронеже в 1918 г., Андрей Климентов датирует одновременно и по старому, и по новому стилю: «25/8 — IX/X — 1918».

Как представляется, такое «двойное» времяисчисление было вызвано реальной причиной — драматически сложившимися обстоятельствами жизни будущего романиста в провинциальном городе.

15 сентября 1918 года, через десять дней после принятия постановления Совета народных комиссаров «О красном терроре», до сведений воронежцев было доведено «Обязательное постановление» следующего содержания:

«От Президиума Исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов обязательное постановление.

Во исполнение постановления Исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов от 7 сентября с. г. президиум горисполкома настоящим объявляет

во всеобщее сведение, что в течение недельного срока со дня опубликования сего подлежат выселению из гор. Воронежа и всех его пригородов следующие категории лиц:

1) безработные, не зарегистрированные на бирже труда до 15 августа 1918 г. и не имеющие удостоверений фабрично-заводских комитетов о месте службы до 15 августа с. г., 2) юристы, учителя, инженеры и техники, не служавшие в учреждениях, 3) торговцы, не имеющие торговли и не выбравшие торговых документов до марта 1918 г., 4) все вообще лица, не имеющие определенных занятий и 5) учащиеся, не имеющие удостоверений, выданных из учебных заведений до 15 августа с. г.

Лица всех указанных выше категорий должны в недельный срок выехать из Воронежа и из всех пригородных слобод: Ямской, Троицкой, Чижовки, Привокзального поселка и Придачи <...>

Лица перечисленных выше категорий, не покинувшие в недельный срок пределов гор. Воронежа и всех его пригородов, будут судимы со всей строгостью революционного времени» (Воронежский красный листок, 1918, 15 сент.).

Есть основания считать данный документ не выявленным комментаторами источником, позволяющим установить переосмысленные в романе «Чевенгур» реальные события.

Так, эпизод, изображающий ликвидацию в Чевенгуре «класса остаточной сволочи», в ряде случаев почти буквально корреспондирует с текстом постановления.

Сравните, например: «<...> раз у Карла Маркса не сказано про остаточные классы, то их и быть не может.

— А они есть — выйди на улицу: либо вдова, либо приказчик, либо сокращенный начальник пролетариата...» (Платонов А. П. Чевенгур [Роман]. М., 1991. С. 243. Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием номера страниц в тексте статьи).

«Давайте дело делать — очищать Чевенгур от остатков буржуев...

— Отлично, — сказал Прокофий, — проект обязательного постановления я уже заготовил...» [251].

Показательно, что в тексте романа используется то же обозначение документа, что и в постановлении президиума Воронежского горисполкома («Обязательное постановление»). Характерно, что основной причиной зачисления в «катеорию лиц», подлежащих высылке из города, в процитированном документе, как и в художественном тексте, явля-

ется отсутствие «определенных занятий», не удостоверенных официально.

Без знания оставшихся за текстом платоновского романа «живых» реалий предполагаемая процедура «ликвидации» может показаться запутанной и алогичной: «Затем — всему среднему запасному остатку буржуазии объявляется смертная казнь, и тут же она прощается...

— Вот это так?!

— Прощается под знаком вечного изгнания из Чевенгура и с прочих баз коммунизма. Если же остатки появятся в Чевенгуре, то смертная казнь на них возвращается в двадцать четыре часа» [244].

Но путанными и алогичными были сами переосмысленные в романе решения. Через несколько дней после доведения до «всеобщего сведения» постановления городских властей был напечатан другой документ, «прошающий» «отдельным категориям лиц» неисполнение предыдущего постановления: «В дополнение к разъяснению обязательного постановления Президиума горисполкома о выселении в 7-ми дневный срок из пределов гор. Воронежа и его пригородов некоторых категорий лиц, настоящим доводится до всеобщего сведения, что выселению подлежат граждане <...> обоого пола, мужчины в возрасте от 18 до 50 лет, а женщины от 20 до 40 лет.

Обязательное постановление о выселении не распространяется:

1) на учащихся, окончивших учебные заведения и подавших прошение в местный университет до 1 сентября 1918 г.

2) на торговцев, не взявших торговых свидетельств до марта 1918 г.

3) на жен, мужья которых выселению не подлежат

4) на беженцев<...>

5) на больных тяжелыми болезнями, не имеющими возможности самостоятельно существовать

6) на учителей, подавших заявление в отдел народного образования до 1 сентября 1918 г. о зачислении в кандидатские списки <...>» (К выселению из города // Воронежский красный листок, 1918, 20 сент.).

В реальном измерении жизни постановление о выселении из города могло коснуться и будущего романиста.

Подробности биографии А. Климентова (Платонова) с весны 1918 года не поддаются точным описаниям. «В 1917 году, видимо, работал в Воронежских железнодорожных мастерских, а весной — осенью 1918 года слу-

жил в Контроле сборов ЮВЖД», — считает О. Г. Ласунский, автор содержательной книги о воронежских годах Андрея Платонова. (Ласунский О. Г. Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова. Воронеж, 2007. С. 60).

«Личность Андрея Платоновича Климентова», подавшего прошение в канцелярию открывшегося в Воронеже университета, формально была удостоверена старшим Контроля сборов ЮВЖД. Но означает ли это, что А. Климентов действительно служил в этой организации, занимавшейся изготовлением и распространением железнодорожных билетов? Едва ли случайно в различных автобиографиях и художественных текстах А. Платонова об этой работе даже не упоминает.

Итак, прошение о зачислении в университет будущий писатель датирует сразу по старому и по новому стилю: «25/8 — IX/X — 1918».

Не была ли таким образом найдена им уловка, чтобы не попасть под выселение из города? В поспешно составленном постановлении специально не оговаривалось, какого стиля придерживаться. Формально подав заявление в «местный университет» до 1.09.1918 (по старому стилю), будущий писатель попал под «амнистию» — на него уже не распространялось постановление о выселении.

Андрей Платонов стал студентом открывшегося в его родном городе университета в годы военного коммунизма и красного террора, когда не только отдельные воспоминания о пережитом событии, но и сам этот период воспринимался как особая тема, от отношения к которой зависит самоидентификация человека, оказавшегося в потоке истории, отрицающей традиционные гуманистические ценности.

Сходной (в том числе автобиографической) задачей самоидентификации обусловлен ряд эпизодов романа.

Так, личная тема очевидно откликается в сцене расстрела чевенгурской буржуазии. Поводом для исторического экскурса «во времена Пиюси», когда «прочно» и «честно» «перебили буржуев» в уездном городе, становится маршрут-инспекция Копенкина, решившего «пройти разведкой весь Чевенгур» [225] и обнаружившего, что «могила буржуазии не прочно утрамбована» [227].

Углубляясь в прошлое чевенгурской коммуны, нейтральный повествователь сообщает подробности беспощадной расправы, трактуемой самим Пиюсей как «внезапный случай», совершившийся «по распоряжению обычай-

ки» [209] на основании данных «бюллетеня метеорологического губбюро».

Как известно, в Воронежской губернии метеорологическое бюро было учреждено в 1918 году. Упомянув в тексте название этой службы, А. Платонов не только косвенно оценивает приказы и распоряжения чрезвычайной комиссии, такие же непредсказуемые, как и капризы переменчивой погоды, но и подсказывает осведомленному читателю, к какому срезу времени относятся реконструируемые в романе события.

Но обратим внимание на публичное чтение, предваряющее сцену расстрела. Когда на соборную площадь приводят на расправу тех, кого чевенгурские большевики решили зачислить в буржуи, начальник чрезвычайки обращает внимание на изъятую у одного классового врага «поминальную книжку.

— Прочти, — попросил он одного чекиста. Тот прочитал:

— «О упокоении рабов божьих: Евдокии, Марфы, Фирса, Поликарпа, Василия, Константина, Макария и всех сродственников.

О здравии — Агриппины, Марии, Косьмы, Игнатия, Петра, Иоанна, Анастасии со чадами и всех сродственников и болящего Андрея».

— Со чадами? — переспросил Пиюся.

— С ними! — подтвердил чекист» [230].

На первый взгляд читателю открывается сугубо собирательный образ. Некоторые из перечисленных имен входят в состав устойчивых фразеологических выражений, народных поговорок. Таковы, например, Иван да Марья, Макар, Кузьма.

Но прозвучавшие имена вряд ли произвольны. Многие из них были настолько дороги А. Платонову, что едва ли следует считать случайным порядок их отбора. В частности, в записи об упокоении значатся Фирс, Василий и Константин. Фирсом звали деда А. Платонова по отцовской родовой линии (Климентовых). Василием — по материнской (Лобочихиных). Константин Васильевич Лобочихин, как известно, приходился писателю родным дядей. Его имя тоже значится в списке...

Приведенный список очень характерен: в перечне «о здравии» названы Мария, Петр, Андрей — имена матери писателя Марии Васильевны, его брата Петра Платоновича Климента. К этому же ряду добавлено полученное при крещении имя самого создателя романа. Как известно, в годы Гражданской войны будущий прозаик тяжело болел, поэтому вполне понятен смысл добавленного к имени Андрей эпитета «болящий». Требуется уточнить, однако, почему к именам скончавшихся предков

добавлено имя дяди писателя Константина, как установлено, до революции работавшего в счетоводстве службы пути ЮВЖД.

Тексты Платонова позволяют утверждать, что ему не было безразлично, каким героям передоверять имена, черты и факты биографии — своей и родственников. Серьезным было и его отношение к смерти. И данный случай нельзя считать бессодержательной мистификацией.

Прообразом сцены послужили известные А. Платонову события. В годы военного коммунизма и красного террора в Воронеже священнослужители, чиновники и служащие городских учреждений, огульно зачисленные в контрреволюционеры, становились узниками концлагеря, устроенного в Митрофановском монастыре.

Независимо от того, насколько доказана вина арестованных, расстрел (в том числе расстрел заложников) стал привычной формой революционного «правосудия». Не случайно в романе Платонова карательная инстанция именуется «обычайкой», а не чрезвычайкой: измененное название передает применявшиеся «обычные» методы расправы.

Сведения о злоупотреблениях губернской ЧК после опубликованных в газете «Воронежский телеграф» описаний красного «дома ужасов» (Воронежский телеграф, 1919, 20 сент. [3 окт.]) были настолько распространены, что М. И. Калинин, приехавший в Воронеж с агитационным поездом «Октябрьская революция», должен был обелять чекистов: «Я самым категорическим образом заявляю, что никаких истязаний, даже угроз нашими органами не допускается» (Воронежская коммуна, 1919, 15 ноября.)

Как известно, из пролетарской семьи Климентовых в те годы никто репрессирован не был, но точных данных о судьбе всех Лобочихиных, родственников писателя по материнской линии, у нас пока нет (еще одно белое пятно биографии). Но если учесть, что в романе А. Платонова таинственную запись об упокоении мог составить названный не по имени, а только по фамилии церковный певчий Лобочихин, сочинявший для соседей религиозные ответы на большевистские анкеты, то в иносказательной сцене расстрела может откликнуться неведомая нам семейная драма Лобочихиных-Климентовых или их ближайших родственников.

Отчасти наше предположение подтверждается данными текстологии. В ходе подготовки научного собрания сочинений писателя выяснилось, что на странице, содержащей

описание расстрела, А. Платонов оставляет карандашную надпись: «Мама, помоги мне вспомнить...» (Этим сведениям я обязан Н. В. Корниенко, руководителю исследовательской группы по подготовке научного собрания сочинений А. П. Платонова). Сам характер отбора имен не дает оснований утверждать, как это делает комментатор изданного в г. Воронеже романа «Чевенгур», что трагизм сцены расправы с буржуазией «номинален», что это фарс, снимающий «читательское сочувствие претерпевающей стороне» (См.: «Чевенгур»: достоверность фантастики. Опыт комментария // Платонов А. П. Чевенгур. Путешествие с открытым сердцем. Воронеж, 1989. С. 422).

Фамилии расстрелянных могут быть и неблагозвучны, хотя далеко не все их следует считать таковыми, но авторское сочувствие в тексте отдано тем, кто, прощаясь с жизнью, не забывает подать записку «во здравие» и «во упокой».

Платонов пересматривал в произведениях второй половины 1920-х гг. максимализм своих же публицистических выступлений времен Гражданской войны. Не потому ли и возникают так называемые биографические «загадки»? Во всяком случае, в связи с вопросом о гуманистической самоидентификации писателя нельзя не отметить, что видение «претерпевающей стороны» в повестях, предшествовавших «Чевенгуру», фокусировалось иначе, чем в романе. В финале повести «Город Градов» (1927) А. Платонов завершит на первый взгляд нейтральное повествование «Ничего особенного не вышло» словами из лексикона Гражданской войны: «— только дураки в расход пошли». И редактор примет это дополнение, не усмотрев идеологической двусмысленности в радикальном разрешении социально-исторического конфликта между пролетариатом и его «заместителями». В повести «Сокровенный человек» (1927) сходная с чевенгурской проблематика заявлена имплицитно: «А в Новороссийске шли аресты и разгром зажиточных людей. Чего они людей шуруют? — думал Пухов». В данном случае «Платонов обнажает, не делая это темой, и нарушение причинно-следственной логики жизни: "...затем и людей в городе в губчок попрятали, чтобы шпионов не было!"» (Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926—1946) // Здесь и теперь, 1993. № 1. С. 90).

Иносказательным развитием темы «претерпевающей стороны» в романе «Чевенгур» становится на первый взгляд почти «сюре-

алистический» образ железного котла с поющей изнутри «полоумной буржуйкой» и ее умершим братом.

В попытке интерпретировать эпизод с котлом как переосмысленную сказочно-мифологическую ситуацию «героя в бочке» исследователи отмечают, что этот мотив в платоновском романе «претерпевает сильные изменения — его героям не суждено вернуться в жизнь», допуская поиск иных источников (Дмитровская М. А. Локус «Чевенгура» // Художественное мышление в литературе XVIII—XX веков. Калининград, 1996. С. 33).

И все же не исключено, что прототипом этого образа послужили известные Платонову сведения о пытках, применявшихся чекистами Воронежской губернии в 1918—1919 годах. «Каждая местность в первый период гражданской войны имела свои специфические черты в сфере проявления человеческого зверства, — обобщает собранные письменные и устные свидетельства очевидцев “красного террора” историк-эмигрант С. П. Мельгунов. — В Воронеже пытаемых сажали голыми в бочки, утыканные гвоздями, и катали» (Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. М., 1990. С. 129).

В тексте романа имитируется сходный образ действий. Прослушав песню «полоумной буржуйки», чевенгурские большевики действуют с машинальной жестокостью, перекачивая котел с находящейся внутри «мягкой начинкой» к месту, где должно остановиться последнее «дыхание пережитка», — в дальний овраг. Но характерная подробность: упавший на дно котел откликается «мирным тупым ударом в потухший овражный песок, будто котел поймали чьи-то живые руки и сохранили его» [270]. Не совпадая с безжалостной аксиологией эпохи, авторское видение мира и здесь избыточно гуманистично.

Реконструкция отдельных фактов и реалий, относящихся к воронежскому периоду жизни писателя, позволяет утверждать, что многие поступки платоновских персонажей, на первый взгляд абсурдные, чаще всего воссозданы писателем с учетом фактов и событий, ставших ему известными на драматическом изломе истории и сыгравших в формировании его гуманистической позиции, жизненной и творческой биографии исключительно важную роль.

М. Добужинский. Оформление текстов А. Платонова французского издательства

А. Платонов. Начало 1920-х гг.

Удостоверение, полученное А. П. Климентовым. 1918 г.

А. П. Платонов. Начало 1920-х гг.

Страница рукописи с автопортретом и рисунками А. П. Платонова